

Д.Ю. Коробков

ВИЗАНТИЙСКИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ПОТИР ИЗ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ

Вполне очевидно, что православие на протяжении столетий составляло живой нерв духовной культуры Византии и в значительной мере определяло господствующий строй мыслей для населения территорий, втянутых в силовое поле Империи.

Однако в более узкой формулировке - «Православие и Херсонес» - эта тема не настолько однозначна и слишком разнопланова для того, чтобы отечественная византистика одинаково успешно освоила бы все ее аспекты. Многие из них практически не затронуты вниманием исследователей - главным образом потому, что имеющихся археологических данных порою недостаточно даже для предварительной постановки проблемы, не говоря уже о позитивных научных выводах. И в этом отношении трудно подобрать более характерный пример, чем изучение литургической утвари - вещественной стороны христианских таинств.

Средневековые храмы, открытые в Херсонесе как в XIX веке, так и впоследствии, при всей важности данных об их архитектурно-планировочном решении, сохранили очень мало свидетельств совершавшихся священнодействий. Соответственно, и находки храмовой утвари (за вычетом двух кашей)¹ долгое время исчерпывались предметами вспомогательной обстановки. Здесь можно бы назвать разнообразные детали светильников, лампадофоры, кадильца². Также лишь косвенное отношение к таинствам имели найденные в Херсонесе иконы и храмовые кресты³. Только для полноты картины упомяну еще о керамических штампиках, применявшихся при выпечке просфор⁴, а кроме того - о необычной глиняной имитации просфоры - вероятно, поминальном вотиве⁵.

Вместе с тем, о каких-либо фактах находок центральных сосудов христианской литургии - блюда-дискоса и чаши-потира, предназначенных для освящения Даров, ничего известно не было⁶, вплоть до 1990 г., когда научной экспедиции Херсонесского заповедника, проводившей исследование сотого («С») квартала в северо-восточной части городища, удалось обнаружить фрагменты серебряной чаши с гравируванными изображениями крестов и литургическими надписями⁷ (рис. 1). По содержанию одной из них - той, что идет

Рис. 1.
Фрагменты серебряной чаши.

вдоль венчика чаши - предмет определен как потир. В каждом храме, где проводилось богослужение, должен был иметься такой сосуд, особенно почитаемый и оберегаемый, поскольку значение потира прямо соотносится с наиболее сокровенными догматами христианской веры - о Боговоплощении, искупительной жертве, спасении грешников и Воскресении⁸. Литургия, совершаемая над чашей с телом и кровью Христовыми, каждый раз напоминает верующим о событиях

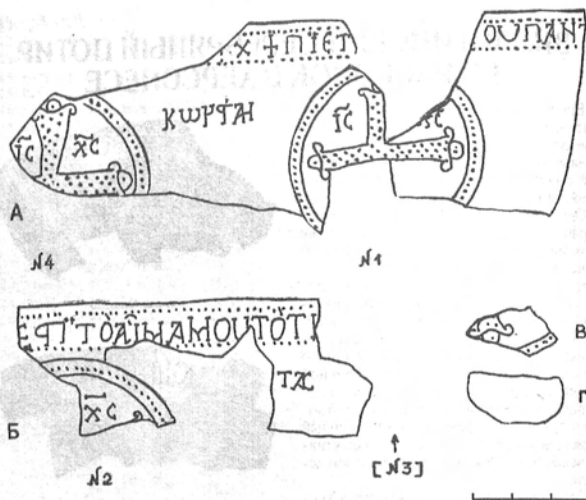

Рис. 2.

Графическая развертка лицевой поверхности сохранившихся фрагментов потира

Тайной вечера, обновляя для них обет Бога к людям и людей к Богу (1 Кор. 11:25 сл.).

По своему значению святыни, потир и дискос редко покидали пределы действующего храма (кроме, разумеется, т.н. «малых» потиров в составе дароносиц), и лишь при исключительных обстоятельствах они могли быть оставлены в храме гибнущем. Избежали естественного износа, переделок и поповлений в основном те сосуды, которые были утеряны, сокрыты в кладе, либо изъяты как военная добыча - они и сохранились до наших дней. Во всяком случае, вероятность оказаться в культурном слое для храмового сосуда ничтожно мала. Как и другие выдающиеся образцы древнего прикладного искусства, византийские потиры поступают в современный музей, уже пройдя многие руки и - чаще всего - вне информативного контекста. В сравнении с ними, даже самая скромная археологическая находка (пусть и столь фрагментарная, как херсонесский серебряный сосуд) обладает преимуществом доказанной подлинности.

С любезного разрешения М.И. Золотарева и С.В. Ушакова, руководивших раскоп-

ками и опубликовавших первые их результаты¹⁰, я обратился к этой интересной находке (фонды НЭХТ, инв. № 63/37199), чтобы рассмотреть возможности ее дальнейшего изучения¹¹.

Попутно выяснилось, что в отечественной археологической литературе имеются сведения лишь о двух серебряных потирах домонгольского времени. Первый из них - потир Киевского клада, найденного в 1824 г. и утерянного вскоре после публикации заметки о нем¹². Второй - ктиторийский дар Юрия Долгорукого в Переславль-Залесский собор - впервые стал известен в 1897 г., благодаря А.В. Орешникову¹³, а ныне хранится в Оружейной палате Московского Кремля¹⁴. Оба сосуда считаются изделиями русских мастеров¹⁵. Таким образом, потир из Херсонеса - не только первый, найденный в европейской части бывшего СССР при археологических раскопках, но, возможно, и единственный, имеющий безусловное византийское происхождение.

Стратиграфическая ситуация в месте находки потира не дает, тем не менее, средства точно датировать сосуд. Весь археоло-

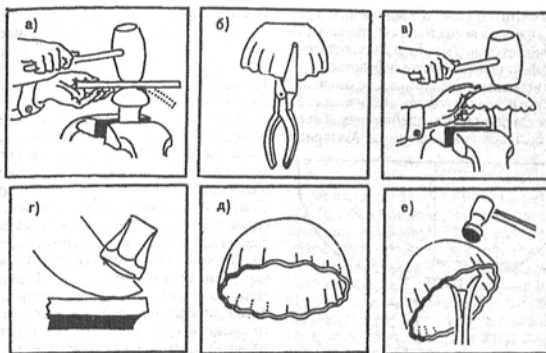

Рис.3.

Изготовление чаши в технике дифовки (по А.В. Флерову, 1976 г.): а) выбивание небольшой выпуклости; б) гофрирование края заготовки; в) посадка гофров и осадка краев внутрь; г) выколотка заготовки на плите; д) вторичное нанесение гофров; е) проглаживание полушара на круглой стойке молотком - гладильником

гический материал, зафиксированный в одном слое с потиром, не имел прямого отношения к жилой усадьбе, в руинах которой был найден, и попал сюда с насыпным грунтом при устройстве двора постройки - скорее всего, в XIII в.¹⁶. Потир, несомненно, старше этого сооружения, но насколько старше - трудно сказать с определенностью.

Подобно другим памятникам византийского прикладного искусства, эта находка интересна сама по себе и, в частности, для наблюдений по технологии средневекового ювелирного дела, сравнительной «вещевой палеографии»¹⁷, а также по литургике Восточной Церкви. Теперь - конкретно и подробно о найденном потире.

Вся нижняя часть его утрачена, а общая сохранность корпуса чаши (по расчету площади поверхности) составляет чуть менее пятидесяти процентов. Однако и этого вполне достаточно для предположений о форме и декоре сосуда (Рис.4). По своему облику херсонесский потир, несомненно, был близок к потиру Киевского клада, и потиру Оружейной палаты, то есть представлял собой безручную полусферическую чашу с чуть уплощенным дном, закрепленную на тонкой ножке с широким основанием. Такой же облик имеют потиры на фресках афонских монастырей и мозаике Софии Киевской в изображениях Тайной вечери¹⁸. Происхождение этой формы, свой-

ственной преимущественно потирам Восточной Церкви¹⁹, обычно связывается с золотой чашей, которую император Роман I Лакапин посвятил в храм Айя-София в Константинополе²⁰. Впоследствии драгоценный кубок в качестве крестоносного трофея оказался в ризнице венецианского собора Сан-Марко.

Некоторые черты облика «чаши императора Романа» действительно обнаруживают ее сходство с более скромными потирами православной периферии. Надпись по венчу потиров, помещаемая обычно между двух пунктирных линий, на золотой чаше окаймлена бисером. Кроме того, императорская чаша - самый ранний образец лицевых изображений святых в медальонах, столь характерных в дальнейшем для декора потиров. На ней изображен Деисус, дополненный фигурами архангелов. На потирах из Киева и Переяславля добавлены изображения святых покровителей вкладчиков - соответственно, лики Иоанна Златоуста и святого Георгия. Заметим, что потир из Херсонеса в этом ряду стоит особняком: в четырех его медальонах были показаны одинаковые равноконечные кресты, о значении которых будет сказано ниже²¹.

Суля по всему, корпус потира выподнялся в бесшовной технике дифовки - посредством ручной выколотки круглой листовой заготовки, с последующей осадкой и проковкой края²² (рис.3). На это указывает сравнительная толщина стенок сосуда: металл в

донной части потира чуть толще яичной скорлупы, а ближе к венцу толщина стенки чаши увеличивается до 2 мм. Еще один, остаточный эффект использования дифовочной техники - неровный край гофров. Для изготовления сосуда применено серебро низкой пробы, с большой примесью меди. Материал

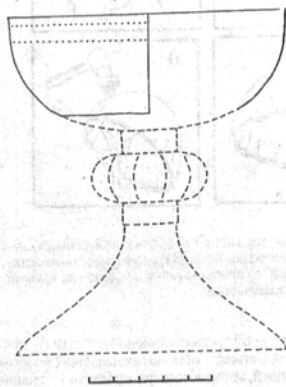

Рис. 4
Вариант реконструкции формы серебряного потира из Херсонеса

этот был весьма пластичен, но непрочен и, очевидно, сильно подвержен коррозии, что впоследствии могло особенно проявиться в месте соединения чаши с поддоном и послужить главной причиной порчи сосуда. После того, как поверхность потира отшлифовали, "по глянцу" вдоль кромки венчика была награвирована однострочная литургическая надпись, а также изображения крестов. Дрожжающий контур медальона и асимметрия рукавов сохранившегося креста характеризуют сложность выполнения гравировок на выпуклой поверхности (как и, вероятно, отсутствие у гравера необходимого навыка).

Литургическая надпись имеет традиционное содержание - открывается знаком креста, за которым следует текст двух стихов двадцать шестой главы Евангелия от Матфея - слова, с которыми Иисус преподавал Чашу апостолам, устанавливая таинство Причащения:

πίετ[ε. ἐξ αὐτοῦ] πάν[τες τοῦτο] ἔστι(ν) τὸ αἶμα μου τὸ τῆς καινῆς τῆς ὑμῶν καὶ πολλῶν ἐχ[υ]νόμενον ἐς

ἄραν ἀμαρτιῶν)

(ср. с текстом надписи на мозаике в алтаре Софии Киевской²³). Перевод: «... пейте из нее все, сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая (во оставление грехов)» (Мф. 26:27 сл.).

Не на каждом потире надпись такой длины могла уместиться полностью. По моим расчетам, сохранность литургической надписи херсонесского потира составляет (с дополнением двух лакун) около 55 % от первоначальной. В несохранившейся части могло находиться до тридцати пяти знаков, и надпись могла прерываться после слова πολλῶν («многих»). В том случае, если были применены сокращения, знак «косого креста», замыкающий надпись и расположенный слева от начального прямого креста, можно отождествлять с буквой «хи» слова ἐκχυόμενον («изливаемая»).

На одном из двух крупных фрагментов потира (рис. 2, Б) особенно ярко видны характерные особенности шрифта литургической надписи, представляющего соединение унциальных и курсивных форм. В слове ἐστιν резчик дал в лигатуре сразу три буквы («сигма-тау-иота») и опустил букву «ню». Хотя лигатура «сигма-тау» встречается еще раз в другой надписи потира (рис. 2, А), она столь традиционна и общепринята²⁴, что не поможет в датировке шрифта. «Альфа» повсюду показана с внутренней перекладной, а также имеет характерный горизонтальный навес на вершине. Форма «альфы» не может служить хронологическим показателем, поскольку часто в составе одной надписи «альфа» имеет несколько совершенно различных начертаний (см. все ту же надпись в алтаре Софии Киевской). И все же, эта особенность, как и двухчастная середина у буквы «мо»²⁵, не находят аналогии ранее одиннадцатого века. Параллель, наиболее близкую к примененной в надписи потира курсивной форме буквы «псилона», приводит крест патриарха Михаила Керулария в собрании Дамбартон Оукс - середина XI в.²⁶

Самая главная черта литургической надписи потира - то, что в ней поставлены знаки ударения и даже придыхания (как можно видеть в слове αἶμα - «кровь»). По мнению, высказанному когда-то А.В.Банк, это - датирующий признак, по которому предметы с такими надписями относятся к концу XI - началу XII в.²⁷ На мой взгляд, простановку дополнительных знаков в литургических надписях нельзя использовать как основание для датировок. Наличие этих

знаков на потире может объясняться тем, что гравер точно скопировал текст богослужебной рукописи - отсюда, кстати, «книжная» орфография слов *ѣте* и *ѣца*. На керамической чаше из раскопок в Коринфе²⁸ и бронзовом потире из Пергама²⁹ отражен обратный случай - начертание этих слов, так сказать, «с голоса»: в слове *ѣте* «йота» заменена буквой «эта», в слове *ѣца* сочетание «альфа-йота» перешло в «эпсилон».

Следовательно, датировка шрифта литургической надписи на потире, не содержащей подобных «итализмов», относится скорее к исходному манускрипту, чем к изучаемой чаше. И эта дата может быть установлена в пределах второй половины XI - начала XII вв., по параллели к опубликованным шрифтам византийских рукописей³⁰. Во всяком случае - до второй половины XII в., когда в рукописях широко распространяется новая форма буквы «мя» - без прогиба двухчастной середины³¹.

Между четвертым и первым, а также между вторым и третьим (утраченным) медальонами, содержащими кресты, награвировано по одному слову - в сокращении и с применением лигатур (рис. 2, А-Б). В первом случае читается имя «Константин» (с отсечением последнего слога). От симметричной надписи сохранились только последние буквы - «тау», «альфа+сигма». Какому слову могли принадлежать эти буквы? Дать точное восстановление пока не представляется возможным. Концевая лигатура «альфы» с «сигмой» свидетельствует (по аналогии с надписью «Константин»), что надпись сокращена резчиком (в целях экономии места или по иным, неизвестным соображениям). Восстановить здесь достаточно очевидное $\tau\alpha\upsilon\alpha\lambda\phi\alpha\sigma\iota\gamma\mu\alpha$ не позволяет отсутствие лигатуры сохранившейся «тау» с утраченной предыдущей буквой (если бы то была «сигма», ее начертали бы в лигатуре с «тау» - это сочетание дважды встречено в надписях потира). Достоин упоминания и то обстоятельство, что ни на одном из потиров X-XIII вв., известных по публикациям, не имеется сходных надписей, помещаемых между медальонами, поэтому вопрос об их значении на херсонесском потире остается открытым.

Обращает на себя внимание отличие буквы «мя» в надписи «Константин» от начертания той же буквы в верхней, литургической надписи: это, по существу, минускульная форма, известная со второй половины XI в.³² и широко распространенная впоследствии. Она характеризует уже

не каллиграфический образец, а личный почерк гравера, что - в сочетании с доступностью для резчика некой рукописи конца XI - первой половины XII вв. и порчей потира не позднее первой половины XIII века (вероятное время последней перестройки усадьбы в квартале «С») - позволяет предположить об изготовлении и литургическом применении сосуда на протяжении XII (начала XIII?) столетия.

Форма и трактовка крестов в медальонах (рис. 2, А) связана, конечно, со штампами на просфорах³⁴. В завершении ветвей крестов, изображенных на потире, может быть прослежено и определенное воздействие формы процессионных крестов³⁵. Основа сходства названных предметов заключается в их генетическом тождестве, восходящем к церковной легенде о знамени Константину Великому - перед решающей битвой с Максением³⁶. Бисером, кабошонами, эмалевыми вставками на произведениях столичных мастеров переданы звезды, составившие крест в видении Константина; на херсонесском потире с этими звездами соотносится пунктирное заполнение крестов. Как известно, в память трех таких видений, предвестивших ему три выдающиеся победы, император впоследствии воздвиг в столице изображение крестов на подножиях, украшенных бисером, а также сопровождаемые надписью «Иисус Христос ника»³⁷.

Все основания предполагать, что на потире, где нет слова *ѣца*, был показан крест видения Константина (равноконечный, изображаемый также на просфорах)³⁸, а не памятник этому видению - крест на ступенях. Такое определение прямо соотносится и с начертанием имени Константина между медальонами.

Имена мирян-донаторов храма на богослужебных сосудах передавались либо надписью на поддоне, либо (гораздо чаще) - через изображение их святых покровителей. Начертание имени на видимом месте потира и вне медальона свидетельствует, что сосуд принадлежал, скорее всего, не храму, а духовному лицу, которым - по строгой иерархии чинов Православной церкви³⁹ и по условиям Херсонеса⁴⁰, мог являться только архиерей.

Благодаря тексту одного мольвудула, опубликованного впервые в книге И. В. Соколовой⁴¹, известен армянский херсонесский Константин. Упоминута печать, согласно определению И. В. Соколовой, датируется в пределах XI в. В принципе тождественность армянского Константина с

владельцем потира не исключена (особенно если учесть, что датировка молибдовула основывается на косвенных данных), хотя и трудно докажуема.

Возможен еще один вариант, по которому изучаемый потир мог служить знаком архиерейского сана при погребении духовного лица. Во всяком случае, для первой половины XIII в. один такой пример известен — это погребение католического епископа в Польше, где вместе с железом, энколпием и диском был найден также потир⁶². И хотя византийские церковные авторы не называют потир в числе предметов, полагаемых во гроб с архиереем⁶³, нужно иметь в виду, что они вообще избегают указаний на детали применения хравовой утвари и упоминают о ней лишь в случаях, когда этого требует экзегетический или дидактический контекст. Поэтому исключить "напутственное" название херсонесского потира мы не вправе, тем более, что это (предположительно) может способствовать выяснению неизвестного пока слова в надписи, располагавшейся симметрично имени Константин.

Одна из особенностей херсонесского потира — неполное начертание набора традиционных надписей внутри медальона, в углах креста. Как уже говорилось, опущено слово *υγια* (что особенно хорошо можно видеть на примере медальона № 1, сохранившегося полнее остальных — рис. 2, А). Возможно, это своеобразное литургическое указание на применение потира только для причащения священнослужителей. Как известно, они причащаются в алтаре через верхние части "агнца" с начертанием Имени Божьего⁶⁴, тогда как через две нижние части, обозначенные "NI" и "KA", причащаются миряне на литургии верных⁶⁵. Таким образом, возрастает вероятность того, что потир из Херсонеса был именно архиерейской чашей⁶⁶, а не "общим" потиром. Хотя, следует отметить, вместимость сосуда едва ли налагала ограничения на его применение, ведь непосредственно из потира в православном храме причащают только священнослужителей, а миряни — очень малыми частями, посредством лжицы. Тем не менее, по расчетам, выполненным на основе дополненного обмерного чертежа, изучаемый потир мог вмещать от 270 до 300 граммов жидкости.

Уместно вспомнить, что не только форма, но и назначение литургических чаш византийской эпохи составляют предмет старинного научного спора⁶⁷. Русские ученые XIX века (А.С.Уваров, Н.И.Барсов и др.),

готовя статьи о потире для светских и богословских энциклопедий⁶⁸, заимствовали ряд положений из статьи "Salice" "Словаря христианских древностей" аббата Мартиньи (1865)⁶⁹. Между тем, систематика церковных сосудов (а не одних только потиров!), приведенная у Мартиньи, имеет не литургико-археологическое, а филолого-антикварное обоснование и восходит еще к глоссариям Дюканжа (1685-87 гг.)⁷⁰. Эта классификация построена по функциональному признаку, но все же передана в соответствии с порядком католической мессы, а не православной литургии. А.С.Уваров и Н.И.Барсов ошибочно восприняли разделение чаш на «министеральные» и «офферторные», «большие» и «малые» как типичное для исконной традиции Вселенской церкви.

Среди отечественных археологов дореволюционного периода только Н.В.Покровский ставил изменение формы богослужебных сосудов в зависимость от исторических изменений литургии, досконально учитывая расхождение литургической практики Востока и Запада. Он подверг критике гипотезу об использовании православными священниками «министеральных» и «офферторных» (по Дюканжу и Мартиньи) потиров⁷¹, но располагая лишь образцами русской богослужебной утвари, не счел себя вправе строить предположения о чинопоследовании Евхаристии в византийский период. Представляется, что и в этом отношении херсонесский потир обладает немалой научной ценностью. В археологическом раследовании по истории православной литургии, начиная более столетия назад А.С.Уваровым, Н.П.Кондаковым⁷², Н.И.Барсовым и Н.В.Покровским, появился давно ожидаемый материальный аргумент, заслуживающий самого пристального внимания.

В целом же, серебряный сосуд, найденный в Херсонесе, вероятно, был более характерен для византийской литургической практики, чем парадные, богато украшенные и вместительные потиры из сокровищницы Сан-Марко, некогда принадлежавшие вилейшим столичным храмам⁷³. А ведь именно они обычно служат основой суждений о форме византийского потира⁷⁴. Изготовленный из не слишком качественного материала и не получивший сколько-нибудь тщательной отделки, херсонесский потир не мог быть особенно ценным и долговечным. Возможно поэтому, придя в негодность, он утратил также значение церковной святыни⁷⁵, а в дальнейшем затерялся среди мусорных остатков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Византийский Херсон: Каталог выставки / Под ред. И.С. Чичурова. М., 1991. - №№ 92, 222.
2. Там же. - №№ 226, 228, 224.
3. Там же. - №№ 156, 128.
4. Там же. - № 94; Залеская В.Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья // ВВ. 1988. Т.49. С.207.
5. Седикова Л.В., Сидоренко В.А. Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 106 и сл.
6. В 1899 году К.К. Косцюшко-Валюжинич при раскопках на юго-восточном участке городища обнаружил массивное бронзовое блюдо "на трех ножках в виде льняных лап" и определил его как "дискос" (ИАК. Вып. 1. СПб., 1901, с.45). Специально отметим, что это блюдо, ныне хранящееся в фондах ГИМ (Москва) (Путь из варяг в греки и из грек...: (Каталог выставки в ГИМ). М., 1996. С.88. № 766), не имеет ни надписей, ни изображений, которые свидетельствовали бы о его литургическом применении. Кроме того, для подобных сосудов обязательен широкий устойчивый поддон, поскольку при Великом входе на литургии дискос ставится на голову диакона - этим действием символически изображается приход Христа в мир и распятие - см.: Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991. С.212; еп. Виссарион (Нечаев). Толкование на Божественную литургию по чину св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого. Троицк, 1996 (Репринт изд. 1895 г.). С.180, 188 сл. Следовательно, есть основания сомневаться в правильности первоначального определения, данного автором раскопок.
7. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1990г. // Архив НЗХТ. Д.2972. С. 14.
8. Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. М., Ростов-на-Дону, 1992. С.218-226. (Кн.4, гл. XIII).
9. Архiep. Вениамин. Новая Скрижаль, или Объяснение о Церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. М., 1992 (репринт изд. 1899г.). С.16; Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т.1 (репринт б.г.), стб.712.
10. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый квартал Северо-Восточного района Херсонеса // ХСб. Вып. VIII. Севастополь, 1997. С.30-45. Автор считает своим приятным долгом поблагодарить также В.С. Шандровскую, В.Н. Залескую и И.А. Стерлигову, за их доброжелательную помощь и ценные замечания об изучаемом предмете.
11. Коробков Д.Ю. О византийском серебряном потире из херсонесских раскопок // Ювелирное искусство и материальная культура: (Тезисы докладов участников IV colloquium). СПб., 1997. С.36-38.
12. Кондаков Н.П. Русские клады. СПб., 1896. Т.1. С.97-98.
13. Орешников А.В. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора // Археологические известия и заметки. М., 1897. Т.V (1897. Вып. 11). С.337-345.
14. Оружейная палата / Под ред. В.Н. Иванова. М., 1964. С.79; Стерлигова И.А. «Потир Юрия Долгорукого» из Оружейной палаты Московского Кремля // Декоративно-прикладное искусство. - (Гос. Историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования, XI). М., 1993. С.5-24. Статья И.А. Стерлиговой содержит ряд существенных поправок и дополнений к традиционной версии происхождения этого потира. В частности, ею обосновано предложение считать сосуд вкладом внука Юрия Долгорукого - владимирского князя Юрия Всеволодича в основанный его дедом Спасо-Преображенский собор Переяславля и, соответственно, обозначить время вклада не 40-ми гг. XII века (так полагал А.В. Орешников), а более поздним временем - концом 20-х гг. XIII века (Стерлигова И.А. Ук. соч. С.341). Отметим особое мнение И.А. Стерлиговой, считающей потир Киевского клада (известный лишь по эскизным рисункам) византийским импортом (Стерлигова И.А. Византийские литургические сосуды в Киевской Руси // Резюме докладов XVIII международного конгресса византинистов. М 1991. С. 1112), а «потир Оружейной палаты» - изделием западноевропейского мастера (Стерлигова И.А. «Потир Юрия Долгорукого»... с.10-11, 19-20). Поскольку исследователем на момент выхода ее работ не было известно ни одного металлического потира средневекового периода (Стерлигова И.А. «Потир Юрия Долгорукого» ... с.8), вопрос о типичной форме византийских причастных чаш разрешен ею умозрительно, в применении к каменным кубкам из ризницы Сан-Марко и рисункам потиров в храмовой живописи. Теперь, после обнаружения серебряной чаши в Херсонесе, стало вполне очевидным

- сходство сосудов греческой работы с тем, что И.А. Стерлигова обозначает как «классический тип романского потира» (Стерлигова И.А. Ук. соч. с.9). Из сравнения перселавского и херсонесского потиров следует, что «низкая чаша» в виде полусферы, «со слегка отогнутым краем», «резные изображения в медальонах двойного контура» (Там же. С.9-24) представляют лишь характерные черты ювелирной техники дифовки, а не специфические особенности «романского» художественного стиля. Точно так же изготовление каменных литургических чаш (хранящихся в ризнице Сан-Марко) в форме капафоров и узких высоких кубков, вероятно, было обусловлено сложностью в обработке материала и лишь во вторую очередь - требованием церковной традиции. С учетом сказанного, гипотезы о «западноевропейских» чертах в облике металлических богослужебных сосудов средневековой Руси могут рассматриваться с большой осторожностью, тогда как сопоставление тех же сосудов с византийскими образцами представляется более перспективным.
16. Потир, в частности, сопутствовали осколки поливной керамики и амфор XI-XII вв., а также херсонесская монета с монограммой "rho-omega" - Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках ... С.18; Полевые описи находок из раскопок 1990 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса (квартал "С", пом. 3 и 4) Архив НЗХТ, д. 2974/2 - л.72-73.
 17. Банк А.В. Прикладное искусство Византии (IX-XII вв.). М., 1978. С.34.
 18. Rice D.T. The Byzantine Glazed Pottery. Oxford. 1930. Fig.2; Толстой И.И., Коцаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып.4. С.126сл.
 19. Коробков Д.Ю. Археологическая литература о потирах Восточной церкви // Византия: кумуляция и трансляция культур: (Тезисы докладов IX научных Сазономовских чтений). Екатеринбург, 1997. С.23.
 20. The Glory of Byzantium: (Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843-1261) / Ed. by Evans H.C. and Wikom D.M. N.-Y., 1997. p.71
 21. Единственное указание на подобное оформление византийских потиров удалось обнаружить в современном энциклопедическом издании: "Some chalices display a Deesis composition, others - crosses and stars" (The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A.P.Kazhdan, 1991. Vol. I. P.405). Письменные источники, послужившие основой для энциклопедической справки, содержат лишь краткое упоминание о "крестах и звездах", изображавшихся на потирах. В одном инвентаре монастырской ризницы, опубликованном P.Gautier, назван серебряный потир "μετά σταυροῦ καὶ ἄστρον διαχρῶσον" (Gautier P. Le tyrikon de la Theotokos Kecharitomene // REV. № 43, 1985. P.155:103). Точно так же в завещании Михаила Аталлатта говорится о серебряном потире с четырьмя крестами: "τοῦ δε ποτη(ρίου) σ(α)υροῦ τῶσαρασ", имеющем к тому же на венце литургическую надпись $\lambda\epsilon\iota\tau\epsilon\ \delta\epsilon\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \lambda\alpha\upsilon\tau\epsilon\varsigma$ (Gautier P. La diataxis de Michel Attaliate // REV. 39, 1981. P.91: 1213-1214). Данное свидетельство представляется особенно интересным, с учетом даты оформления завещания (1084 г.), и решающим для характеристики херсонесской причастной чаши в качестве типичного византийского металлического потира XI-XII вв.
 22. Флеров А.В. Художественная обработка металлов. М., 1976. С.63-65.
 23. Айналов Д.В., Релин Е.И. Кievo-Софийский собор. Исследования древней мозаичной и фресковой живописи. СПб., 1898. С.63.
 24. Залеская В.Н. Византийский вотивный сосуд с текстом псалма // ВВ. 1979. Т.40. С.137.
 25. Банк А.В. Прикладное искусство ... С.35; Жоливе-Леви К. Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии // 1988. Т.49. С.149.
 26. Каздан А.П. Византийская культура (X-XII вв.). М., 1968. Илл.10.
 27. Банк А.В. Ук. соч. С.38.
 28. Morgan Ch. H. The Byzantine Pottery. - Corinth, Vol.XI. Cambridge, 1942. P.121, 271.
 29. Wulf O. Altchristliche und mittelalterliche Byzantinische und italienische Bildwerke. Bd.II. Berlin, 1911. Т. XVI, №198.
 30. Каурис Н.Ф. Императорский скрипторий в XI веке // ВВ. 1988. Т.49. С.137. Рис.5-6, 11; Гранстрем Е.Э. К вопросу о византийском мпнскуле // ВВ. 1985. Т.ХIII. С.226; Лихачева В.Д. Искусство книги: (Константинополь, XI век). М., 1976. С.23;25.
 31. Банк А.В. Ук. соч. С.134.
 32. Гранстрем Е.Э. Ук. соч. С.226.
 33. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С.142 и сл.
 34. Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Б.м., 1994. (репринт изд. 1857 г.). С.109.
 35. Марјановић - Вујовић Г. Крестови од VI до XII века из збирке Народног Музеја. Београд.

1977. С.59; Cotsonis J.A. Byzantine Figural Crosses. Wash., D.C., 1994. P. 40.
36. Сказание о воздвижении честного и животворящего Креста Господня // [Са. Димитрий Ростовский] Жития святых. Кн.1. Сентябрь. М., 1991 (репринт изд 1904 г.). С.289.
37. То же. С.295 Ср. с изображением геммированных крестов на памятниках прикладного искусства: Банк А.В. Ук. соч. С.80. J.A. Cotsonis приводит ряд нарративных свидетельств, подтверждающих, что и в средневизантийский период аниконический крест как символ триумфальной победы отличали от креста с Распятием как памятника жертве Спасителя. См.: Cotsonis J.A. Byzantine Figural Crosses. P. 44.
38. Ср. также: [К.В.П.] История развития формы креста: (Краткий курс православной ставрографии). М., 1997. С.25.
39. Сочинения блаженного Симеона ... С.243, 273.
40. Богданова Н.М. Церковь Херсона в X-XV веках // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С.22.
41. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 166, №58, табл. XIX.
42. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI - XIV вв. // САИ. М., 1964. Вып. E1-44. С.39; Hensel W. Studia: materialy do osadnictwa wielkopolski wczesnohistorycznej. II. Poznan, 1953 S.59.
43. Сочинения блаженного Симеона ... С. 523 и сл.
44. Покровский Н.В. Лекции по церковной археологии. СПб., 1885. С.502.
45. То же. С.503.
46. Ср.: Рыбаков Б.А. Ук. соч. С.41.
47. См. подробнее: Коробков Д.Ю. Археологическая литература о потирах Восточной церкви. С.24-25.
48. Уваров А.С. Материалы для археологического словаря // Сборник мелких трудов. М. 1910. Т.1. С.292-297; [Барсов Н.И.] Потир // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 2. Стб. 1867-68; [Барсов Н.И.] Потир // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т.XXIV. С.734.
49. L'abbé Martigny. Dictionnaire des antiquités Chrétiennes. Paris, 1877. P. 107.
50. Du Cange, Ch. Glossarium mediae et infimae graecitatis. Vratislava, 1891. P.209: s.v. *χοτρη(ov)*; Glossarium mediae et infimae latinitalis. Paris, 1883. P.31: s.v. *calix*.
51. Покровский Н.В. Древняя ризница Новгородского Софийского Собора // Труды XV археологического съезда в Новгороде. М., 1914. Т.1. С.52-53.
52. Кондаков Н.П. Русские клады. Т.1. С.100; Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности ... С.60-63.
53. Durand J. Tresor de l'église St.Marc a Venise. Paris, 1862; Pasini A. Il Tesoro di San Marco in Venezia. Firenze. 1887; Il Tesoro di San Marco. Il Tesoro e il Museo / Opera diretta da H.R. Hahnloser. Firenze. 1971.
54. Бочаров Г.Н. Художественный металл Древней Руси (X-XIII вв.). М., 1984. С. 115; Даревич В.П. Прикладное искусство // Культура Византии (вторая половина VII-XII вв.). М., 1989. С.536.
55. "Веществу же, из которого состоит образ креста, хотя бы это было золото или драгоценные камни, после разрушения образа, если бы то случилось, не должно поклоняться". (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн.IV, гл.XI. - Ростов-на-Дону, 1992. С.288).